

Письма къ читателямъ.

Истинная поэзія міра въ исторіи
его духовной жизни.

Томъ Дэвидсонъ.

Сегодня мнѣ хочется поговорить съ моими читателями по поводу новыхъ вѣяній въ русской литературѣ. Передо мной XXIII „Сборникъ Знанія“, и въ немъ всѣ три повѣсти: „Исповѣдь“ Горькаго, „Сказки земли“ Гусева-Оренбургскаго и „Въ старой лаврѣ“ Золотарева составляютъ нѣчто цѣльное. Всѣ три проникнуты тревогой исканія, во всѣхъ трехъ намѣчается стремленіе къ *единству*, осуществленному народомъ, и всѣ три вставлены въ рамку религіозной жизни народа. Странники, монахи, священники, семинаристы на протоптанныхъ паломниками тропинкахъ въ монастырѣ, въ Кіево-Печерской лаврѣ, всѣ дѣйствующія лица прикасаются такъ или иначе къ духовной жизни Россіи. Особенно интересенъ со стороны формы рассказъ Гусева-Оренбургскаго „Сказки земли“. Въ лицѣ сельскаго священника о. Геннадія, сохранившаго въ сердцѣ своемъ священный огонь пастырскаго призванія и вѣру въ святость храма и чистоту домашняго очага, передъ нами уже не индивидуальное переживаніе: передъ нами живой символъ глубоко потрясеннаго человѣческаго духа, съ воплемъ ужаса убѣгающаго отъ дѣйствительности, отъ поруганныхъ святыхъ своей души.

Но мы остановимся только на „Исповѣди“ Горькаго. Разбирать этотъ рассказъ, весь, какъ лѣтній лучъ, испещренный интересными мыслями и яркими изреченіями, которыя передаютъ скрытыя радости и страданія жадно ищущей Бога человѣческой души, нѣтъ возможности въ письмѣ. Это требуетъ большой статьи. Мы же съ читателемъ подойдемъ къ нему съ иною цѣлью: мы попробуемъ разобрать, съ какимъ міросозерцаніемъ подходитъ представитель новыхъ духовныхъ вѣяній къ задачамъ жизни,

какимъ свѣтомъ озаряетъ онъ распутье, къ которому подошла русская жизнь. Никогда нравственная отвѣтственность любимаго писателя—а Горькій по праву принадлежитъ къ любимымъ и читаемымъ писателямъ—не бываетъ такъ велика, какъ именно во времена историческаго распутья народной жизни, и никогда вліяніе писателя на народное творчество не бываетъ такимъ сильнымъ и непосредственнымъ. Но для того, чтобы это вліяніе было свѣтлымъ, нужно, чтобы самъ писатель ясно различалъ между добромъ и зломъ и владѣлъ выработаннымъ міросозерцаніемъ, которое опиралось бы не на временныя явленія и модныя теченія мысли, а на незыблемую основу вѣчной истины, годной для всѣхъ временъ и народовъ. Всѣ внѣшнія формы жизни временны: патріархальный строй и монархія, конституціонное правленіе и республика—все это лишь наружные признаки, которые могутъ скрывать за собой и благо и зло, и суть вовсе не въ нихъ. Строй можетъ быть самый прогрессивный, и люди все же могутъ чувствовать себя неудовлетворенными и далекими отъ счастья, и, наоборотъ, гораздо больше счастья можетъ дать самый первобытный строй, если въ немъ соблюдена внутренняя правда взаимныхъ человѣческихъ отношеній, о чемъ говорятъ легенды всѣхъ народовъ, упоминающія о „Золотомъ вѣкѣ“, когда во главѣ націй стояли посвященные, поднявшіеся надъ личнымъ честолюбіемъ и личными интересами, двигаемые *однимъ* стремленіемъ: вести свой народъ къ внутреннему благу и внѣшнему благоденствію. И народъ отдавалъ имъ свою волю и свою судьбу, основываясь не на хартіяхъ и писанныхъ договорахъ, а на незримомъ довѣріи, которое, пока оно не нарушено, представляетъ собой такую незыблемую твердыню, которая неразрушима ничѣмъ.

Но для того, чтобы дорасти до права на такое довѣріе, нужно стать *сверхличнымъ*. Нужно, чтобы у правителей любовь къ личному благу преобразилась въ любовь къ общему благу, а потребность личной власти поднялась до потребности осуществить справедливость и правду во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Въ наше время, когда почти единственнымъ двигателемъ людей является эгоизмъ, ихъ богомъ матеріальное благо, кажется сказкой существованіе такихъ людей, которые были руководимы одною любовью къ Истинѣ, Добру и Красотѣ. Но это не сказка. Это было и это *будетъ*. То человѣчество, передъ сознаніемъ котораго уже возникъ идеалъ, подобный Христу, *не можетъ* помириться съ жизнью, основанной на лжи; его тревога будетъ все болѣе расти и расти, и оно не успокоится, пока въ его жизни не

водворится правда, которая вся сводится къ красотѣ взаимныхъ отношеній человѣка къ человѣку. Низшія свойства, которыя толкаютъ людей къ нарушенію справедливости въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, могутъ окончательно побѣдить только тогда, когда во всемъ человѣчествѣ умретъ голосъ совѣсти, который въ минуты внутренней тишины говоритъ каждому изъ насъ настойчиво и внятно, что не можетъ быть счастья для людей, пока они не начнутъ жить любя и довѣряя другъ другу, какъ того требуетъ божественный законъ. Пока этотъ тихій голосъ не замолкъ, искра божественнаго огня все еще тлѣетъ въ душѣ человѣческой, и стоитъ лишь подуть благодатному вѣтру, и искра разгорится въ великій очищающій огонь, который обновитъ всю жизнь земли. И если бы писатели, голосъ которыхъ доходитъ до сердца народовъ, не уставая призывали людей къ неумирающей красотѣ праведнаго отношенія человѣка къ человѣку, они несомнѣнно стали бы тою „солью земли“, о которой говорилъ Христосъ, тѣми „свѣтильниками“, которые свѣтятъ во тьмѣ.

Если подойти къ „Исповѣди“ Горькаго съ *такими* ожиданіями, удовлетвореніе можно найти только въ томъ, что знакомыя социалистическія ученія поднимаются имъ на высшую ступень, чисто внѣшнія связи замѣняются сознаніемъ *внутренняго* единства народной массы, въ исканія новыхъ путей жизни проникаетъ сверхличное начало преклоненія передъ *народной душой*. Вотъ это сверхличное, почти религіозное настроеніе и придаетъ значительность и даже красоту многимъ страницамъ его „Исповѣди“.

Но если искать въ его „Исповѣди“ указанія на истинные пути или вѣрнаго освѣщенія историческаго процесса, этого читатель у него не найдетъ. Основная идея Горькаго вложена въ уста странника Іоны, изреченіямъ котораго приписывается способность „окрылять на всю жизнь душу“, „указать вѣрный къ Богу путь“. Въ чемъ же эта идея? „Новой“ она можетъ быть названа только потому, что выливается изъ подъ пера недавняго индивидуалиста; въ пламенныхъ изреченіяхъ Іоны повторяется то же преклоненіе передъ низшими слоями народа, которое русское общество переживало въ семидесятыхъ годахъ, то же обожествленіе народной массы. Разсказъ ведется отъ лица странника, который повидимому долженъ выражать духовныя исканія русской души. Подкидышъ, онъ провелъ дѣтство у дьячка Ларіона—одинъ изъ немногихъ свѣтлыхъ образовъ разсказа—затѣмъ попалъ въ конторщики къ кулаку, самъ сталъ кулакомъ, чтобы, разбогатѣвъ, жениться на его дочери Ольгѣ. Затѣмъ короткое свѣтлое счастье съ любимой

женщиной, ея смерть, безумная тоска, попытка на самоубійство. Это какъ бы прологъ къ исповѣди. Затѣмъ начинаются исканія потрясенной души: хожденія по священникамъ, старицамъ, житье въ монастыряхъ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая вереница портретовъ, изъ которыхъ нѣкоторые едва намѣченные абрисы, но все это, по словамъ самого автора, лишь „пыль позади толпы, охваченной тревогой богоисканія“ (стр. 110) „Толпа“ эта, невидимо стоящая за каждою мыслью исповѣди, проходящая незримымъ потокомъ позади всей загаженной, темной дѣйствительности, и является героемъ „исповѣди“, тѣмъ найденнымъ Богомъ, котораго такъ страстно искала душа странника. Исповѣдь кончается гимномъ народу, „владыкѣ, чудотворцу и богостроителю“. Вотъ этотъ гимнъ: „Ты еси мой Богъ и творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красотъ духа своего въ трудѣ и мятежѣ исканій Твоихъ!“ „Да не будутъ міру бози иніи развѣ тебе, ибо ты еси единъ Богъ, творяй чудеса! Тако вѣрую и исповѣдую!“ (стр. 205).

Въ религіи Горькаго личность совсѣмъ исчезаетъ, она растворяется въ *ликъ народа*. Мало того, она является источникомъ всякаго зла. „Началась эта дрянная и недостойная разума челоувѣческаго жизнь съ того дня, какъ первая челоувѣческая личность оторвалась отъ чудотворной силы народа, отъ массы, матери своей, и сжалось со страха передъ одиночествомъ и безсиліемъ своимъ въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, комокъ, который наречень былъ—„я“. Вотъ это самое „я“ и есть злѣйшій врагъ челоувѣка! На дѣло самозащиты своей и утвержденія своего среди земли оно бесполезно убило всѣ силы духа, всѣ великія способности къ созданію духовныхъ благъ“ (стр. 163). И далѣе еще сильнѣе: „Одиночество—суть отломленность твоя отъ родного цѣлаго, знакъ безсилія духа и слѣпота его; въ цѣломъ ты найдешь безсмертіе, въ одиночествѣ же неизбѣжное рабство и тьма, безутѣшная тоска и смерть“ (стр. 174).

Въ яркости своего сознанія грѣха, разъединенія, Горькій подходитъ близко къ истинѣ. И еслибы онъ довелъ свою идею до конца, онъ овладѣлъ бы вѣрнымъ пониманіемъ историческаго процесса. И тогда *весь народъ*, со всѣмъ своимъ историческимъ творчествомъ, изъ котораго постепенно сложился его государственный строй, предсталъ бы передъ нимъ какъ единый живой организмъ, расчленять который—какъ это дѣлаетъ Горькій—на внутренне чуждые одна другой части—и бесполезно, и не выражаетъ истины. Истина въ томъ, что такъ же, какъ организмъ изъ клѣтокъ, тѣло народное состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей,

говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, несущихъ въ душѣ и въ крови своей результаты испытаній всего народа. Жизнь, силы и здоровье народнаго тѣла пополняются изъ одного источника, но отдѣльные органы его должны нести различныя функціи, одинаково необходимыя для *всего* организма. Отрицать этого нельзя, но можно и слѣдуетъ добиваться, чтобы все тѣло народное питалось равномѣрно и все было одинаково освѣщено со всѣхъ сторонъ.

Когда это не соблюдается и силы и здоровье всего организма приносятся въ жертву отдѣльнымъ его органамъ, не только эти послѣдніе, но и весь организмъ заболѣваетъ; плохо питаемое, въ потемкахъ хирѣющее народное тѣло страдаетъ отъ худосочія, теряетъ бодрость, силу, красоту. Всѣ страданія народовъ и въ прошломъ и въ настоящемъ происходятъ отъ нарушенія внутренняго единства, отъ неравномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ силъ внутри организма народнаго. Царящій эгоизмъ, борьба классовъ, несомвѣстимость сословныхъ интересовъ, отношеніе государства къ народу, создавшему его своими трудами, какъ къ *средству*, а не какъ къ *цѣли* своего бытія,—все это довело людскія отношенія до предѣла, до цинически исповѣдуемой вслухъ „борьбы за существованіе“... Какъ протестъ противъ этого „предѣла“, исповѣдь Горькаго имѣетъ свое значеніе. Но вѣрнымъ указаніемъ на иную, лучшую жизнь, основанную на высшемъ нравственномъ сознаніи, она не можетъ быть уже потому, что сама страдаетъ грѣхомъ разъединенія. Горькій дѣлитъ народъ на „рабочій народъ земли, ея силу, единственный и вѣчный источникъ боготворчества“ (стр. 148) и на „бѣлую кость, которая только *шлифовала* работу народа“, на „баръ—чужихъ на землѣ“ (151 стр.) и т. д. и т. д. Этимъ расчлененіемъ тѣла народнаго Горькій самъ вгоняетъ заразу разобщенія и ненависти внутрь народнаго сознанія и самъ подрываетъ правду своей мысли. И расчлененіе это особенно ненужно и искусственно для демократической Россіи, гдѣ именно „бары“, „бѣлая кость“, представители привилегированныхъ сословій погибали во множествѣ за свою безавѣтную любовь къ народу, а представители крестьянскаго и рабочаго сословія—когда имъ удавалось разбогатѣть—нерѣдко становились угнетателями своихъ же братьевъ.

Здѣсь размахъ мысли Горькаго сразу понижается, изъ за большой идеи выглядываетъ знакомая „партийность“, а фонарь, который держитъ странникъ Іона, начинаетъ тускнѣть и освѣщать лишь разорванные клочки историческаго процесса, оставляя въ тѣни всю истинную связь явленій.

Это роковое свойство всякой ненависти: проникнутая ею, мысль не въ состояніи подняться на высоту, откуда видны всѣ истинныя пропорціи и взаимодействія земной жизни. Лишь мысль, окрыленная любовью, способна подниматься надъ злобами дня и, какъ солнцемъ, освѣщать горизонты жизни, отчетливо указывая на связь явленій.

Отсутствіе объективной правды въ оцѣнкѣ историческихъ явленій заставляетъ Горькаго дѣлать и еще другіе ошибочные выводы. Его дѣленіе народа по внѣшнимъ сословнымъ признакамъ не можетъ привести къ вѣрному народному самопознанію. Внутри народа происходитъ постоянное передвиженіе клѣтокъ: вчерашній крестьянинъ сегодня можетъ стать барининомъ, а сегодняшній баринъ завтра можетъ потерять всѣ свои признаки. Для вѣрнаго опредѣленія цѣнности „сына народа“ необходимо найти *постоянный* признакъ, независимый отъ его сословнаго положенія. Этимъ признакомъ можетъ быть только одно: *полезность его дѣятельности для всего народа*, а не „бѣлая“ или „черная“ кость, которая сама по себѣ ровно ничего не значитъ, потому что можно быть крестьяниномъ и тормазить жизнь, и можно быть титулованнымъ барономъ и вести ее къ свѣту и правдѣ.

За что можно и должно любить рабочій народъ? Въ *чемъ* тайна его обаянія надъ каждымъ великодушнымъ сердцемъ, и *почему* всѣ лучшіе люди всегда стояли за интересы рабочаго народа? Того народа, который обрабатываетъ землю и ея продукты, который кормитъ и содержитъ государство въ мирное время, а въ дни опасности защищаетъ его жизнью своей? Тайна эта лишь въ томъ, что, трудясь и напрягая свои силы, онъ дѣлаетъ это не для себя одного, а для *всѣхъ*, для *всего* организма народнаго, слѣдовательно, онъ дѣлаетъ *сверхличное* дѣло, а вездѣ, гдѣ сверхличный мотивъ проникаетъ въ жизненное творчество, тамъ осуществляется божественная правда, тамъ земная жизнь осѣняется высшимъ началомъ, которое самому обыденному дѣлу придаетъ несомнѣнную печать поэзіи и нравственной красоты. Но та же самая печать очаровываетъ насъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизненнаго творчества, она приложима и къ умственнымъ и къ духовнымъ дѣятельностямъ, и къ дѣятельностямъ правящей власти, если послѣдняя, заботясь объ *общемъ* благѣ, творитъ *сверхличное* дѣло.

Но подобный нравственный критерій возможенъ лишь при религіозномъ міровоззрѣніи, когда для человѣка мѣриломъ добра является не *условная* человѣческая правда, которая сегодня—одна,

а завтра—другая, которая растеть и мѣняется вмѣстѣ съ растущимъ сознаниемъ,—а безусловная Божья Правда, неизмѣнная для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Что она неизмѣнна и одна для всего человѣчества, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто дастъ себѣ трудъ познакомиться изъ первоисточниковъ съ священными писаніями всѣхъ міровыхъ религій: вездѣ, начиная съ религиозныхъ вѣрованій древней Индіи и кончая ученіями исповѣдуемаго современной Европой Евангелія, вездѣ мы найдемъ одно и то же: что человѣкъ есть отраженіе Бога Творца, что его истинное я—вѣчно, и едино съ я вселенной, что оно исходитъ отъ Бога, отчего и не перестаетъ стремиться къ Богу, что воля Бога ведетъ человѣка къ единству, любви и совершенству... Такое міросозерцаніе не совмѣстимо съ обожествленіемъ народа, которое составляетъ самую яркую черту „религій“ Горькаго. Оно знаетъ, что въ міровомъ историческомъ процессѣ каждый народъ выполняетъ свою опредѣленную задачу, принимаетъ посредствомъ индивидуальнаго своего творчества участіе въ великой дѣятельности всего человѣчества, направляемой Волей Бога къ осуществленію Правды, Добра и Красоты на землѣ.

И точно также, какъ человѣкъ становится великимъ только тогда, когда способенъ подняться надъ своими личными интересами и эгоистическими желаніями, такъ и народъ бываетъ великимъ только тогда, когда способенъ преклоняться передъ Началомъ безконечно болѣе высокимъ и совершеннымъ, чѣмъ онъ самъ.

Къ сожалѣнію, размѣръ письма не позволяетъ подробно остановиться на идеѣ „народа-богостроителя“, которая составляетъ вѣнецъ міросозерцанія Юны—Горькаго. Идея эта не только не совпадаетъ съ истиной, не только понижаетъ всю общечеловѣческую этику, но она и не оригинальна. Обожествлять народъ—значитъ перемѣщать эгоизмъ изъ сознанія отдѣльнаго человѣка въ сознаніе народа, изъ раздробленныхъ маленькихъ эгоизмовъ творить одинъ общій, огромный эгоизмъ. Такимъ эгоизмомъ проникнута вся отживающая общественная этика западно-европейскихъ народовъ, которые возвели свои національные интересы въ какой то священный культъ. Ихъ девизы: „нѣмцы для нѣмцевъ“, „англичане для англичанъ“ и т. д. едва-ли могутъ имѣть силу надъ русской душой, которая никогда не отличалась самодовольствомъ, а если загоралась, то отъ гораздо болѣе гордой мечты: служить *всѣмъ*, работать для *всѣхъ*, стремиться къ водворенію для всѣхъ народовъ Царства Божія на землѣ.

Другъ читателя.